

ГИЛБЕРТ ЧЕСТЕРТОН

ГРЕХИ КНЯЗЯ
САРАДИНА

Часть сборника: Настоящий английский детектив. Собрание лучших историй

Отец Браун

Гилберт Честертон
Грехи князя Сарадина

«ЭКСМО»

1911

Честертон Г. К.

Грехи князя Сарадина / Г. К. Честертон — «Эксмо»,
1911 — (Отец Браун)

«Когда Фламбо брал отпуск в своей конторе в Вестминстере, он проводил этот месяц на парусной шлюпке, такой маленькой, что чаще всего ею пользовались как весельной лодкой. К тому же он предпочитал отдыхать в графствах восточной Англии, где среди крошечных речек шлюпка казалась волшебным корабликом, скользившим по суше через луга и поля. В суденышке могли с удобством расположиться два человека; оставалось место лишь для самых необходимых вещей, и Фламбо брал то, что считал необходимым по своему разумению...»

© Честертон Г. К., 1911

© Эксмо, 1911

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Гилберт Кит Честертон Грехи князя Сарадина

Когда Фламбо брал отпуск в своей конторе в Вестминстере, он проводил этот месяц на парусной шлюпке, такой маленькой, что чаще всего ею пользовались как весельной лодкой. К тому же он предпочитал отдыхать в графствах восточной Англии, где среди крошечных речек шлюпка казалась волшебным корабликом, скользившим по суше через луга и поля. В суденышке могли с удобством расположиться два человека; оставалось место лишь для самых необходимых вещей, и Фламбо брал то, что считал необходимым по своему разумению. Обычно это сводилось к четырем вещам: консервам из лосося, если захочется есть, заряженным револьверам, если захочется пострелять, бутылке бренди на случай обморока и священнику на случай скоропостижной кончины. С этим легким багажом он неторопливо плыл по узким речкам, собираясь со временем достигнуть Норфолкских озер, а пока что наслаждаясь видами лугов, склонившихся над рекой садовых деревьев и отраженных в воде поселков и особняков, останавливаясь порыбачить в тихих заводях и в некотором смысле прижимаясь к берегу.

Как истинный философ, Фламбо проводил свой отдых бесцельно, но, как у всякого истинного философа, у него имелось свое оправдание. Он держал в уме некое намерение, к которому относился достаточно серьезно, чтобы успех стал венцом отпуска, но и достаточно легко, чтобы не расстраиваться в случае неудачи. Много лет назад, когда он был некоронированным королем воров и самой знаменитой персоной в Париже, ему часто доводилось получать сбивчивые послания одобрительного, обвинительного и даже любовного свойства. Одно из них запечатлелось в его памяти – обычная визитная карточка в конверте с английским штемпелем. На обратной стороне карточки было написано зелеными чернилами по-французски: «Если вы когда-нибудь отойдете от дел и станете уважаемым человеком, навестите меня. Мне хотелось бы познакомиться с вами, так как я встречался со всеми другими великими людьми своего времени. Ваша проделка, когда вы заставили одного сыщика арестовать другого, была одной из самых блестящих сцен во французской истории». На лицевой стороне карточки стояла официальная надпись: «Князь Сарадин, Рид-Хаус, Рид-Айленд, Норфолк»¹.

Тогда Фламбо не уделил внимания этому приглашению, но удостоверился, что князь был блестящей и популярной фигурой в светских кругах южной Италии. Говорили, что в юности он совратил замужнюю женщину из знатной семьи и бежал вместе с нею – довольно обычная эскапада для людей его положения, но памятная своим трагическим продолжением: предполагаемым самоубийством оскорбленного супруга, который якобы бросился в пропасть на Сицилии. Потом князь некоторое время жил в Вене, но последние годы провел в неустанных странствиях. Когда Фламбо, подобно самому князю, удалился с бурной европейской сцены и стал жить в Англии, его посетила мысль о неожиданном визите к знатному изгнаннику, поселившемуся среди Норфолкских озер. Он не имел представления, сможет ли найти нынешнее обиталище князя, достаточно скромное и неприметное. Но случилось так, что он нашел это место гораздо раньше, чем ожидал.

Однажды вечером путешественники причалили к берегу, поросшему высокой травой и короткими деревьями с подрезанными кронами. После целого дня работы на веслах сон рано одолел их, зато оба проснулись еще до рассвета. Большая лимонная луна только заходила в зарослях высокой травы у них над головами, а небо было глубокого бирюзового оттенка – еще ночное, но яркое. Обоим сразу же вспомнилось детство, волшебная и удивив-

¹ Букв. «Камышовый дом» и «Камышовый остров». – (Прим. пер.)

тельная пора, когда заросли трав смыкаются над нами, словно лесная чаща. На фоне огромной заходящей луны маргаритки и одуванчики казались сказочными цветами, напоминающими узоры на обоях в детской комнате. Лежа в шлюпке под высоким берегом, они в радостном изумлении разглядывали цветы, травы и корни кустарников.

– Клянусь Юпитером! – произнес Фламбо. – Похоже на заколдованное царство!

Отец Браун резко выпрямился и перекрестился. Его движение было таким стремительным, что Фламбо посмотрел на него с легким удивлением и спросил, в чем дело.

– Авторы средневековых баллад знали о колдовстве гораздо больше, чем вы, – ответил священник. – В зачарованной стране происходят не только приятные вещи.

– Вздор! – фыркнул Фламбо. – Под такой невинной луной могут случаться только приятные неожиданности. Я предлагаю сразу же плыть дальше, а там посмотрим, что будет. Мы можем умереть и сгнить в могиле, прежде чем снова увидим такую луну и в таком месте.

– Ладно, – сказал отец Браун. – Я и не говорил, что плохо входить в заколдованное царство. Я только говорил, что это всегда бывает опасно.

Они медленно плыли по светлеющей реке; глубокая синева небосвода и тусклое золото луны постепенно выцветали, пока наконец не растаяли в громадном бесцветном космосе, предшествующем буйству рассвета. Когда первые проблески алого, серого и золотого пересекли горизонт от края до края, их вдруг поглотила темная масса какого-то городка или деревни, возникшая впереди на берегу. В утреннем полусвете уже можно было разглядеть нависающие над водой деревенские крыши и мостики. Казалось, что дома с длинными и низкими крышами сошлись к реке на водопой, словно стадо больших серых и бурых коров. Между тем рассвет продолжал разгораться и перешел в обычное утро, прежде чем они увидели хотя бы одно живое существо на пристанях и мостах этого тихого городка. Наконец они увидели добродушного и зажиточного на вид мужчину в штанах и рубашке, с лицом таким же круглым, как недавно зашедшая луна, и кустиками рыжих бакенбард вокруг его нижнего полукружия; прислонившись к столбу, он смотрел на плавное течение реки. Поддавшись безотчетному порыву, Фламбо поднялся во весь рост в качающейся шлюпке и зычным голосом спросил у незнакомца, не знает ли он, где находится Рид-Айленд или Рид-Хаус. Тот лишь улыбнулся и молча указал вверх по реке, за следующую излучину. Фламбо поплыл туда без дальнейших расспросов.

Шлюпка обогнула несколько травянистых выступов и заплутала среди почти неподвижных и заросших камышом отрезков реки, но, прежде чем поиски успели наскучить, они миновали особенно резкий поворот и оказались в тихой заводии или озере, вид которого инстинктивно заставил их остановиться. В центре этой водной глади, со всех сторон окаймленной камышом, находился низменный и длинный островок, на котором стоял низкий и длинный дом наподобие бунгало, построенный из бамбука или какого-то прочного тропического тростника. Вертикальные бамбуковые стебли в плетении стен были бледно-желтыми, диагональные стебли крыши выглядели темно-желтыми или коричневыми; только это и нарушало монотонное однообразие дома. Утренний ветерок шелестел в камышах вокруг острова и пел в ребристых выпуклостях странного дома, словно играя на огромной свирели.

– Бог ты мой! – воскликнул Фламбо. – Наконец-то приехали! Вот он, настоящий Рид-Айленд, а вот и Рид-Хаус, если такой вообще есть на свете. Похоже, тот толстяк с бакенбардами был доброй феей!

– Возможно, – спокойно заметил отец Браун, – но если и был, то злой феей.

Он не успел договорить, как нетерпеливый Фламбо уже причалил к берегу среди шуршащих камышей, и вскоре они ступили на загадочный остров возле старого и безмолвного дома.

Как выяснилось, дом стоял задней стеной к реке и к единственному причалу; главный вход находился с другой стороны и смотрел в сад, имевший продолговатую форму. Друзья

приблизились к нему по узкой тропе, огибавшей дом под низким карнизом крыши. Через три разных окна в трех стенах дома они могли видеть одну и ту же длинную, хорошо освещенную комнату, обшитую панелями из светлого дерева, с множеством зеркал и как будто подготовленную для элегантного завтрака. По обе стороны от парадной двери стояли две бирюзовые цветочные вазы. Им открыл дворецкий мрачного вида – высокий, сухопарый, седой и апатичный, – пробормотавший, что князь Сарадин нынче в отъезде, но его ждут с часу на час и дом готов к приему хозяина и его гостей. При виде карточки с надписью зелеными чернилами пергаментное лицо унылого слуги на миг оживилось, и он с неловкой учтивостью предложил им остаться.

– Его сиятельство может прибыть в любую минуту, – сказал он. – Ему будет неприятно узнать, что он разминутся с господами, которых пригласил к себе. Мы всегда держим наготове холодный завтрак для него и его гостей; не сомневаюсь, что он пожелал бы, чтобы вы откушали у нас.

Движимый любопытством, Фламбо с благодарностью принял предложение и последовал за стариком, который церемонно препроводил его в большую комнату со светлыми панелями на стенах. В ней не было ничего особо примечательного, если не считать необычного чередования длинных узких окон с длинными узкими зеркалами, что придавало ей удивительно светлый и воздушный вид. Она навевала впечатление о завтраке под открытым небом. По углам висели неброские портреты: большая выцветшая фотография юноши в военном мундире и пастельный эскиз, на котором красной охрой были изображены два длинноволосых мальчика. Когда Фламбо осведомился, не князь ли этот бравый молодой солдат, то получил отрицательный ответ. Это младший брат князя, капитан Стефан Сарадин, пояснил дворецкий. Тут он внезапно посуровел и как будто утратил всякое желание продолжать разговор.

После завтрака, завершившегося превосходным кофе с ликером, гости познакомились с садом, библиотекой и домоправительницей – красивой темноволосой женщиной, не лишенной своеобразного величия и похожей на Мадонну из подземного царства. Судя по всему, она и дворецкий были единственными, кто остался от прежней домашней челяди князя, а всех остальных слуг набрали из Норфолка под ее надзором. Ее представили как миссис Энтони, но она говорила с легким итальянским акцентом, и Фламбо не сомневался, что эта фамилия представляла собой местный вариант латинского произношения. В облике дворецкого, мистера Поля, тоже присутствовало нечто чужеземное, но он безукоризненно владел английским, как и многие отлично вышколенные слуги космополитических знатных семейств.

Несмотря на красоту и живописное уединение, в доме витала какая-то странная светлая печаль. Часы здесь тянулись медленно, словно дни. Длинные комнаты с многочисленными окнами были залиты светом, но он казался мертвенным. И за всеми посторонними звуками – голосами, звоном бокалов или легкими шагами слуг – слышался несмолкаемый и навевающий грусть шум реки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.